Свинья-копилка

Сколько игрушек было в детской! А высоко на шкафу стояла глиняная копилка в виде свиньи. В спине у нее, конечно, была щель, только ее еще расширили ножом, чтобы проходили монеты и покрупнее, и две такие монеты в копилке уже лежали, не считая множества мелких. Копилка была набита битком, так что уж и не брякала даже, а о большем ни одной свинье с деньгами не о чем и мечтать. Стояла она на шкафу и смотрела на все в комнате сверху вниз — она ведь могла купить все это, а такая мысль хоть кому придаст уверенности в себе.

Все окружающие помнили об этом, хотя и не высказывались вслух — у них и без того было о чем поговорить. Ящик комода был полуоткрыт, и оттуда высовывалась большая кукла, уже не первой молодости и с подклеенной шеей. Поглядев по сторонам, она сказала:

— Давайте играть в людей — это всегда интересно!

Поднялась возня, зашевелились даже картины на стенах, показывая, что и у них есть оборотная сторона, и против этого нечего возразить.

Была полночь. В окна светил месяц, предлагая всем даровое освещение. Участвовать в игре были приглашены все, даже детская коляска, хотя она и принадлежала к громоздкому, низшему разряду игрушек.

— Всяк хорош по-своему! — говорила она. — Не всем же быть благородными, надо кому-нибудь и дело делать, как говорится!

Письменное приглашение получила только одна свинья-копилка — она стояла так высоко, что устное могла и не услышать, рассудили игрушки. Ну, а она даже не ответила, придет или нет, — и не пришла. Уж если желают ее общества, то пусть сделают так, чтобы она видела все со своего места. Так и сделали.

Кукольный театр поставили прямо перед ней, вся сцена была как на ладони. Начать хотели комедией, а потом предполагалось общее чаепитие и обмен мнениями. Начали с конца. Лошадь-качалка заговорила о тренировках и чистоте породы, детская коляска — о железных дорогах и силе пара. Все это было по их части, так кому же и говорить об этом, как не им? Комнатные часы толковали о политике: «Тики-тики!» Про них говорили, что они знают, когда надо «ловить момент», да вот только всегда запаздывают. Бамбуковая

тросточка гордилась своим железным башмачком и серебряным колпачком — она была обита и сверху и снизу. На диване лежали две вышитые подушки, очень миленькие и очень глупенькие. И вот началось представление.

Все сидели и смотрели. Зрителей просили щелкать, хлопать и греметь в знак одобрения. Но кнут заявил, что не щелкает старухам, а только непросватанным барышням.

— А я так хлопаю всем! — сказал пистон.

— Где-нибудь да надо стоять! — сказала плевательница.

У каждого были свои мысли, которые он и высказывал во время представления. Комедия не стоила ломаного гроша, но сыграна была превосходно. Исполнители показывались публике только раскрашенной стороной; смотреть с оборотной на них не полагалось. Все играли замечательно и даже вываливались за рампу — нитки были слишком длинны, — зато так каждый был виднее. Склеенная кукла до того расчувствовалась, что расклеилась совсем, а свинья-копилка ощутила в брюхе такое благодушие, что решила сделать что-нибудь для одного из актеров — например, упомянуть его в своем завещании кик достойного быть погребенным вместе с нею, когда придет время.

Все пришли в такой восторг, что даже отказались от чая и перешли прямо к обмену мнениями — это и называлось играть в людей, причем тут не было никакого злого умысла, а всего лишь игра… Каждый думал лишь о себе да о том, что думает свинья с деньгами. А свинья с деньгами думала больше всех, думала о своем завещании и похоронах. «Когда придет час…» — а он всегда приходит скорее, чем ожидают. Бац! Свинья свалилась со шкафа на пол и разлетелась вдребезги. А монеты так и запрыгали, так и заплясали. Маленькие вертелись волчком, крупные катились солидно.

Особенно долго катилась одна — ей очень хотелось погулять по белу свету. Так оно и сталось — и она отправилась гулять по свету, и остальные тоже. А черепки от свиньи отправились в мусорный ящик. Только на шкафу уже на другой день красовалась новая свинья-копилка. В желудке у нее было еще пусто, и она не брякала — в этом она была схожа со старой. Для начала довольно и этого, а мы на этом кончим.